КУБОК БРЭДБЕРИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

У него внезапно отключились интерактивные очки, изображение пропало полностью, и он очутился один на один с городом, лишенным информации — нигде ни слова, ни цифры, ни картинки…

Лауреат конкурса «Кубок Брэдбери» в номинации «Киберпанк».

- Наталья Буренчева
  - ○

Наталья Буренчева
Человек, увидевший мечту

Она позвонила, сказала, что задержится — поэтому он выбрал скамейку на пересадочном узле, прямо у обочины дороги. Эргономичный пластик сидения прогнулся под ним, заботясь о комфорте гостя. Интерактивные очки тут же пустили поток информации об окрестностях, а женский голос из динамика в дужке выдавал сопутствующие сведения. Информация мелькала перед глазами и звучала в ушах: фирменное меню кафе, графики работы магазинов, реклама серии исторических лекций…

Отмахнувшись от бесконечной череды логотипов, картинок, текстов и слоганов, он выбрал отложенные заранее инфоленты и стал смотреть. От инфоленты прошло едва ли десять минут, когда линзы очков вдруг пошли рябью, пару раз моргнули, женский голос сообщил о неисправности — и изображение полностью пропало.

Мужчина снял бесполезные очки — и ему показалось, что он ослеп.

Город будто вымер. Да, мимо проходили люди, много людей. Одетые в коричневое, болотное, сизое, бурое, они спешили куда-то, ловили такси, садились в машины, высаживались и снова торопились. Но это было не то, никто из них не нёс в себе информации, и матовые грани небоскрёбов тоже хранили неподвижное молчание — нигде ни слова, ни цифры, ни картинки. Лишь серый бетон да мутные стёкла, за которыми угадывался свет.

Время вдруг стало материальным. Человек чувствовал, как оно бессмысленно проходит мимо. Взгляд метался в поисках чего-нибудь, за что можно было уцепиться. Машина. Скамейка. Вышка интерактивной сети. Это всего лишь нагромождение форм, они не несли в себе сведений. Роботы-уборщики. Люди. Бесцветные, с лицами, спрятанными за затемнёнными линзами интерактивных очков, они были похожи, почти неразличимы.

Когда в ухе не звучал голос информатора, всё тонуло в шелесте разговоров, урчании двигателей и рёве заводских турбин. Звуки сливались в один, в них не было ни крупицы смысла, и они давили.

Давили на уши, хотелось обхватить голову руками и закричать.

Но он не кричал, стараясь усилием воли усмирить сердцебиение.

Зябко кутаясь в чёрное пальто, мужчина сидел и смотрел на ставший незнакомым город. Смотрел серыми непроницаемыми глазами потерянного человека.

Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Искать. Искать информацию. Её можно взять вокруг — нужно просто узнать как. Открой глаза — и смотри. Открой уши — и слушай. Информация повсюду. Нужно смотреть вокруг.

Вот однотонная пелена, затянувшая всё от горизонта до горизонта. Это часть защитного купола, который укрывал их от солнечной радиации. В старину вместо купола было небо, а сейчас это небо — искусственное. Оно ровно сияло — чтобы везде было достаточно света. В древности этим занималось солнце.

Что такое солнце? Это светило.

Нет, неправильно. А что же? Не знаю.

Как хотелось, чтобы эти бессмысленные звуки прекратились! А если они исчезнут, это будет… это будет тишина.

Что такое тишина? Это отсутствие звуков.

Нет, неправильно. А что же? Не знаю.

Вокруг мчались машины — серые, землистые, пыльно-белые. Их колёса иногда взвизгивали, оставляя на дороге рисунок протекторов, и топтали побеги каких-то растений. Те робко тянулись сквозь трещины в дорожном покрытии, но их место — в гидропонных садах и лабораториях.

Что такое лес? Это масса свободно развивающихся растений.

Нет, неправильно. А что же? Не знаю.

Маслянисто пахло бензином, горчило выхлопными газами — и в нём едва пробивался намёк на дождь. Как можно не замечать эту какофонию запахов?

Человек на скамейке обхватил голову руками, согнулся пополам, упёршись лбом в колени.

Ветер прочесал город, вытряхнул из закоулков скопившийся за день мусор и набившийся песок. Бесформенный комок вылетел из подворотни, пронёсся между колёсами, прибился к ноге человека на скамейке и призывно зашелестел. Мужчина слегка повернул голову, пытаясь рассмотреть комок, но тот был ни на что не похож. Он шевельнулся, стряхивая холодное оцепенение, и поднял непонятный предмет.

Брови вздёрнулись, человек нерешительно ощупывал гладкий материал, покрытый плохо различимыми строками. Он принялся медленно, осторожно разворачивать и разглаживать лист.

Как давно он держал в руках что-то подобное? Лишь однажды в музее: от печатных книг и газет лет сто как отказались.

Что такое книги и газеты? Это хранилище информации.

Да, правильно! Информация!

Бумага лоснилась в рассеянном свете пробегавших мимо фар, руки дрожали от нетерпения. Надписи на наружной стороне стёрлись от времени, кляксами расплылись от дождей, размазались от жирных пальцев прошлых владельцев. Лист расправлялся неохотно, будто не желал делиться содержимым.

Уцелевшие буквы, не до конца съеденные заломами, складывались в слова:

> «Перед ним раскинулась бескрайняя пустыня. Покрытые узорами барханы застыли неподвижным морем, загадочно поблёскивающим под закатными лучами. … Далеко на краю горизонта солнце купалось в клубящихся облаках … них как прекрасная наложница в полупрозрачные вуали. Пробегали юркие ящерицы… … хрустела зелень под ногами, ноздрей его достигал аромат цветов, казавшийся давно забытым… колодец… …всё что угодно, за глоток воды».

Странные, бессмысленные слова, большая их часть обозначала давно умершие понятия.

Но это информация! Он снова перечитал. На краю памяти, будто подсказанное информатором, забрезжило ещё одно забытое слово — «роман».

Что такое роман? Это хранилище информации.

Нет, неправильно. А что же это? Не зна…

Нет, знаю. Это мечта одного человека о другой жизни, об эмоциях, о приключении.

Люди давно не пишут романов, ведь те не несут информации.

Что такое мечта? Это результат расстройства психики из-за отсутствия информации.

Нет, неправильно. Это спасение.

Странные, бессмысленные слова… и под ними такая же странная бессмысленная картинка, выцветшая от времени. Коричневые горбы, подёрнутые рябью. Округлые белые комья над ними, в них, видимо, прячется светило. Оно испускает косые оранжевые линии, растворяющиеся в голубом пространстве. И где-то среди горбов небольшой участок зелени, обрамляющий какую-то конструкцию.

Что это? О чём думал тот, чей разум породил эти слова? Возможно ли понять это?

Пытаясь разглядеть картинку, он поднёс лист к глазам. Бумага пахла пылью и ещё чем-то незнакомым, сухим. Человек откинулся на спинку скамейки. Он вглядывался в хмурый купол и продолжал искать информацию.

Чем дольше он смотрел, тем отчётливее видел комья серой

ваты, едва заметно плывшие по искусственному своду.

Если эти… клубы облаков расступятся, что будет за ними? Может быть, там прячется … небо? Высокое, манящее, синее — ведь не зря люди когда-то так хотели узнать, что за ним. Пронзительное небо с неспешно плывущими облаками, белыми, пушистыми — как на картинке.

Солнце купалось в этих облаках, кутаясь в них как в полупрозрачные вуали и окрашивая их в жизнерадостный оранж. Закатная золотистая дымка слегка дрожала над уходящей за горизонт пустыней, барханы застыли неподвижными волнами, в гребнях сверкали песчинки. Марево дневной жары приятно согревало, изгоняя из тела ломоту вечного холода, щёк касался ласковый ветер. Пряно пахло песком и ещё чем-то древним, чему он не мог найти описания.

Что такое солнце? Это мечта людей о тепле, страсти и ослепительном блеске.

Мужчина наклонился и собрал в ладонь горсть песка. Песок обжигал, и он разжал пальцы, выпуская его на свободу искрящимися струйками. Они развеялись, оставив на коже ощущение мелких пылинок.

Рядом раздался визг тормозов, и человек обернулся, чтобы посмотреть.

Пустыня пропала, он снова оказался на обочине шумной улицы. Вокруг торопились куда-то люди и сновали автомобили. Машины были разных форм и размеров, похожие на целое стадо каких-то животных, соскочивших со страниц энциклопедий. И это стадо бесконечно кочует в поисках лучшего места.

Что такое животные? Это давно истреблённые…

Нет, неправильно. А как правильно? Когда-нибудь узнаю.

Водитель затормозившего автомобиля, высунулся из окна и отчитывал девушку, уронившую покупки перед его капотом. Она собирала вещи, бормоча извинения, ее тёмные — нет, каштаново-медные — волосы рассыпались по бурой… нет, всё-таки винной ткани плаща. Ветер перебирал её пряди, будто любуясь, как ребёнок, увлёкшийся новой игрушкой. Но водитель не замечал ни прекрасных волос, ни необычного цвета, ни слов извинения — и продолжал ругаться.

Всё-таки люди — очень шумные существа.

Человеку на скамейке вспомнилось, что в пустыне царила тишина. Странно, так не бывает. Должны же быть там хоть какие-то звуки. Надо просто их найти.

Снова перед ним раскинулись песчаные склоны, сверкающие медью в лучах заходящего солнца, дыхание пустыни опять коснулось его щёк.

Теперь он слушал.

И услышал шипение песка, бегущего по верхушкам дюн, и свист подгонявшего ветра… и стук собственного сердца, разносившийся, казалось, на многие километры.

Что такое тишина?

Это мечта людей о покое, о том, что можно услышать свой голос среди многозвучия мира.

Сзади раздался шорох, но мужчина не стал оборачиваться, лишь скосил взгляд, боясь спугнуть видение. В поле зрения показался варан, палевая шкура почти сливалась с барханами. Он подошел ближе, песок шелестел под его лапами, шуршал, уступая дорогу длинному хвосту.

Варан лениво поглядывал в ответ круглым золотисто-зелёным глазом, сверкавшим, как драгоценный камень. Этот взгляд гипнотизировал и звал, но человек не спешил откликаться. Не дождавшись, варан обогнул его и стал удаляться в том же направлении, откуда пришёл. Хвост оставлял на песке длинный след, похожий на шлейф, тянущийся за кометой.

И мужчина пошёл за ним.

Что такое животные?

Это мечта человека о других существах, о меньших братьях, ведь так одиноко жить среди себе подобных.

Ноги вязли в песке, каждый шаг давался с трудом…

Кто-то толкнул его, и он вздернул голову.

На шедшей мимо женщине был дымчатый шарф. Наверное, он красиво развевался при ходьбе и зацепился за щербатую скамью, как следует дёрнув хозяйку за шею. Она пыталась отцепить шарфик от пластиковых шипов, видно, очень торопилась. Мягко, но настойчиво отведя её руки, человек аккуратно вытащил ткань. Женщина вскинула на него взгляд, в её тёмных очках он увидел своё отражение.

У него были серо-голубые глаза мечтателя.

Женщина благодарно кивнула и пошла дальше, цокая каблуками по асфальту.

Пустыня — это молчаливая страна, она крала звуки, заглушала шаги. Под ногами осыпался песок, а он всё шёл по следу варана. Огромная ящерица уже давно убежала, и песок понемногу сползал, гонясь за ветром и засыпая отметины, оставленные беспокойными существами. Солнце, зависшее над горизонтом, слепило и расцвечивало пустыню всё новыми оттенками. Наутро будут другие цвета, а эти сгладятся и исчезнут за ночь. Кажется, на какой-то лекции ему говорили, что пустыня везде одинакова, один бархан неотличим от другого, и можно вечно блуждать между ними кругами. Но это, должно быть,

неправда — бесконечная череда дюн казалась ему куда разнообразнее города, обезличенного без интерактивных очков.

Человек оказался на вершине очередной песчаной волны, и в глаза тут же бросился островок зелени внизу. Посреди этого островка виднелось небольшое кольцо, опоясывавшее бездонный провал… и там кто-то был. Женщина сидела на краю сооружения, ветер трепал кипящие полупрозрачные языки одежд, сплетая белый с голубым, а мятный с коралловым. Он, не отрываясь, наблюдал за ней, пока спускался по крутому склону, тяжёлые потоки струились вокруг щиколоток, будто отговаривали идти, мешали.

Что такое лес? Что такое оазис?

Это мечта людей о могуществе природы, о месте без суеты, наполненном сказочными ароматами.

Наконец перед носками ботинок оказался ковёр из мелких листочков и травинок, на них было страшно ступать — настолько хрупкими и беззащитными они казались. У самого подножия странного кольцеобразного сооружения, как драгоценности на бархатной подушечке, росли цветы. Бледные хрупкие лепестки, дрожащие от малейшего дуновения, обрамляли ярко-розовые пылающие сердцевинки.

Он стоял перед ковром, радующим глаз пёстрым зелёным узором, и не решался ступить на него. Он стоял и смотрел на женщину, вполоборота сидевшую на каменной кладке. Камни казались припорошенными пылью, грубыми рядом с нежными цветами и трепетными одеждами женщины. Она смотрела куда-то вдаль, грациозно изогнувшись и опираясь руками, унизанными сверкающими браслетами, на высокий керамический кувшин. Нарушать её задумчивое уединение не хотелось, но она сама повернулась к нему, будто почувствовала его присутствие.

Её лицо наполовину скрывала серебристая вуаль, оставлявшая открытыми лишь глаза, в которых золото боролось с зеленью, сливаясь в хризолитовом блеске. На лоб спадал непокорный локон темнее ночного неба, улыбка только угадывалась под полупрозрачной тканью. Женщина до боли напоминала кого-то, будто он мельком видел её в толпе, но всегда проходил мимо. Она смотрела на него, улыбалась и ждала, а он всё никак не мог решиться шагнуть к ней.

Ветер сбежал по бархану, погнав пыльных змеек, задел края одежд, скользнул, потревожив цветы. Волна тонкого аромата зелени, смешанного со сладостью нектара, наполнила воздух. И вплеталось ещё что-то, знакомая, родная нотка, почему-то напоминавшая о доме. Но, конечно, этого просто не могло быть — трудно было поверить, что в светлых стенах его квартиры мог

обитать такой чудный запах.

Женщина звякнула браслетами, витиеватым жестом изогнула запястье, зачерпнув что-то из кувшина. Воздух наполнился свежестью воды, капли сбегали по её руке, оставляя искрящиеся дорожки на коже, скатывались с тонких пальцев. Там, где вода падала на камни, они оживали, обретали змеиный блеск и цвет — малахитовый, кроваво-красный, бежевый. Капли россыпью бриллиантов сыпались в траву и на цветы, скатывались по лепесткам, и казалось, что для растений не было ничего желаннее этого прохладного прикосновения.

Человек почувствовал, что в горле пересохло, он был готов отдать что угодно за глоток воды. И он решился. Зелень сочно хрустнула под ногой, наполнила воздух острым ароматом. Он боялся, что оставит за собой уродливую дорогу из поломанных стеблей, но травинки и листья поднимались и расправлялись вновь, будто по ним никто и не шёл.

Чем ближе он подходил к женщине, тем более знакомой она ему казалась, и тем больше он тонул в её золотисто-зелёных глазах. Глазах человека, живущего мечтой.

Она всё также смотрела на него и улыбалась. Когда ему оставалось пройти ещё пару шагов, она снова зачерпнула полную пригоршню воды и протянула ему, не обращая внимания на то, что капли сбегают в складки одежды и искрятся в них, как драгоценные камни.

Он шагнул…

Кто-то потряс его за плечо, вновь горько запахло выхлопными газами. Вокруг сновали машины. Падали редкие капли дождя, разбиваясь на мелкие брызги о картинку с пустыней. Наверное, они тоже хотели попасть туда и не могли.

Рядом стояла его невеста, похоже, она уже несколько раз обращалась к нему, но он не замечал, пока она не взяла его за плечо и не встряхнула. Человек поспешно свернул измятый лист бумаги и бережно уложил в карман, поднимаясь со скамейки. Она что-то спросила, он невпопад ответил и попросил убрать очки. Она ещё раз взглянула на него и, вдохнув, сняла устройство. Они пошли рядом по улице. Мужчина поймал её руку, неожиданно для самого себя, поднёс к губам и поцеловал. Её глаза распахнулись, она повернулась к нему, испытующе глянула — и улыбнулась.

И ему вдруг подумалось, что он никогда не видел её по-настоящему, лишь проходил мимо в толпе. Волосы у неё не тёмные, как он всегда считал, а глубокого ночного цвета, и глаза не просто светло-карие, а с легким зеленоватым оттенком, бьющимся по краям. Если бы она мечтательно улыбалась или

смеялась от счастья, её глаза наверняка сверкали бы неповторимым хризолитовым блеском. Странно, и почему он никогда раньше этого не замечал?

Держась за руки, они влились в поток людей, одетых в песчаный, еловый, стальной, кирпичный. Он ловил своё отражение в витринах, и ему казалось, что у его зеркального двойника блестящие голубые глаза человека, увидевшего мечту.